

НОВОЕ РЕНТНОЕ ОБЩЕСТВО

Валерий Алексеевич Глазырин,

Уральский государственный юридический университет,
Екатеринбург, Россия,
glazur@olympus.ru

Статья поступила в редакцию 24.04.2021, принята к публикации 30.06.2021

Для цитирования: Глазырин В.А. Новое рентное общество // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 2. С. 158–169. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_158

Аннотация

Цель работы состоит в том, чтобы осуществить аналитический обзор ключевых положений концепции рентного общества Л.Г. Фишмана, В.С. Мартьянова, Д.А. Давыдова. Под рентными понимаются социумы, институциональным стержнем которых выступают распределительные (дистрибутивные) отношения. С либеральной точки зрения сокращение в обществах сферы рыночных обменов является архаизацией социальной жизни, но в условиях стагнации глобальных рынков эта аксиома становится дискуссионной. В современном мире рыночный капитализм достиг границ территориальной и ресурсной экспансии, и высока вероятность, что в обозримой перспективе мировое хозяйство ожидает нулевой экономический рост. Это приведет к дополнительному увеличению численности социальных аутсайдеров, исключаемых из технологических цепочек глобальной рыночной экономики процессами автоматизации, роботизации и цифровизации. В результате рентные (распределительные) механизмы доступа разных общественных групп к жизненным ресурсам становятся все более важными регуляторами социального порядка. В современных обществах, интенсивно пронизанных рентными отношениями, рыночные социальные группы последовательно утрачивают политическое и экономическое влияние. Российское общество демонстрирует яркий пример трансформации своего ценностно-институционального ядра под влиянием рентных принципов распределения ресурсов. Эти принципы в условиях достижения разнообразных пределов рынка и девальвации ресурсов труда все чаще соответствуют запросам большинства

© Глазырин В.А., 2021

населения. В результате рыночные ценности и метафоры, институты и способы легитимации политического порядка закономерно вытесняются на периферию общественных отношений. Ключевым субъектом стратификации общества становится государство, а основным критерием доступа граждан и социальных групп к ресурсам выступает их полезность для государства.

Ключевые слова:

рендное общество, социальные группы, распределительные отношения, капитализм, глобальный рынок, мировая экономика, миросистема.

UDC 321.01

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_2_158

NEW RENTAL SOCIETY

Valery A. Glazyrin,

Ural State Law University,
Ekaterinburg, Russia,
glazur@olympus.ru

Article received on April 24, 2021, accepted on June 30, 2021

For citation: Glazyrin, V.A. (2021). New Rental Society. *Scientific journal "Discourse-P"*, 18(2), 158–169. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_158

Abstract

The purpose of the article is to carry out an analytical review of main provisions of the rent society theory by L.G. Fishman, V.S. Martyanov, D.A. Davydov. Rent-based societies are understood as societies whose institutional core is distribution relations. From a liberal point of view, reduction in the sphere of market exchanges in societies is an archaization of social life, but in conditions of global markets stagnation, this axiom has become controversial. In the modern world, market capitalism has reached the limits of its territorial and resource expansion, and there is a high probability that the world economy expects zero economic growth in the foreseeable future. This will lead to an additional increase in the number of social outsiders excluded from technological chains of the global market economy by the processes of automatization, robotization and digitalization. As a result, rent-based (distribution) mechanisms of access of different social groups to vital resources are becoming increasingly important regulators of the social order. In modern societies, which are intensely permeated with rent relations, market social groups are gradually losing their political and economic influence. The Russian society is a vivid example of its value-institutional core transformation under the rent principles influence of resource distribution. These principles, in the context of reaching various market limits and labor resources devaluation, are getting more frequent to meet the needs

of the majority of the population. As a result, market values and metaphors, institutions and ways of legitimizing the political order are naturally pushed to the periphery of social relations. The state is becoming the key actor of social stratification, and the main criterion for access of citizens and social groups to resources is their usefulness for the state.

Keywords:

rental society, social groups, distribution relations, capitalism, global market, world economy, world-system.

Введение

Монографическое исследование «Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии» (2019), подготовленное Л.Г. Фишманом, В.С. Мартьяновым и Д.А. Давыдовым, научными сотрудниками Института философии и права УрО РАН, и опубликованное Издательским домом Высшей школы экономики, представляет, пожалуй, наиболее значительное издание, посвященное изучению истоков, сущности, особенностей и механизмов воспроизводства отношений социальной ренты в различных социумах. Работа содержит множество пластов, граней, дискутируемых вопросов; их подробное обсуждение потребовало бы написания отдельной брошюры или книги, поэтому в данном отзыве будут рассмотрены лишь отдельные стороны разбираемого изыскания, направленного на обоснование положений о том, что такое рентные отношения и рентные общества в прошлом, настоящем и будущем.

Цель настоящей работы заключается в том, чтобы осуществить аналитический обзор ключевых положений концепции рентного общества Л.Г. Фишмана, В.С. Мартьянова, Д.А. Давыдова. В статье применяется политологическая и социологическая методология изучения обществ как социальных систем. Актуальность исследования обусловлена тем, что в изучении рентных отношений в обществах современной миросистемы остается немало познавательных лакун.

Результаты исследования

Еще сравнительно недавно, отмечают авторы рассматриваемой монографии, познание ренты представляло собой «слепое пятно» в социальных науках. Несмотря на то, что под влиянием идей Дж. Бьюкенена (1997, с. 129–236), Г. Таллока (2011, с. 350–358) и других ученых возник определенный интерес к изучению социальной ренты, маргинальный характер исследований рентных отношений до сих пор не преодолен (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 8).

Имеющийся в науке каталог положений о социальной ренте сравнительно невелик. Так, исторические границы рентных отношений, как правило, ограничиваются докапиталистическими («феодалными», «старыми», «традиционными», «патримониальными») обществами; нередко понимание ренты сводится к земельной; выделяются «хорошая»/легитимная рента (доход/ресурсы/блага социальных акторов, получаемые в результате инноваций в различных областях

их деятельности, увеличивающие объем «общественного пирога» и создающие новые возможности другим членам обществ) и «плохая»/нелегитимная рента (имеются в виду лоббизм, монополизм, привилегии и пр.); зачастую рентные социальные связи сопоставляются с патрон-клиентскими отношениями и рассматриваются как проявления коррупции в обществах (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 26–30).

В рецензируемой работе формулируется иное, более емкое видение социальной ренты. Это вид социальных обменов наряду с даром и рынком, поэтому рентные связи нельзя отождествлять с социальными патологиями, в том или ином виде отношения ренты воссоздаются в обществах различных исторических эпох, включая нынешнее время. Истоки рентных отношений увязываются с иерархическим политико-социальным структурированием обществ. Когда в социумах разрастается пространство использования распределительных отношений, а сфера действия рыночных отношений сужается, складывается социальная ситуация, способствующая формированию у социальных акторов мотивации на занятие более выигрышных социальных позиций, дающих им лучшие возможности для доступа к благам и ресурсам, распределяемым под контролем государства (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 103–118).

Рента – не экономическое понятие (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 10–32). Под ней понимаются «материальные и иные блага, которые получают индивиды, группы и даже отдельные общества вследствие занятия выгодной позиции в социально-политической структуре» (с. 25). Сегодня рентное общество имеет планетарное распространение. Существует специфика проявления рентных отношений в странах ядра капиталистической миросистемы и ее периферии (с. 50–69).

Важным является тезис, что изучение рентных отношений позволяет разглядеть в обществах позднего капитализма тенденции, которые не видны или не очевидны при использовании других концептуальных рамок (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 27, 54). В этой связи возникает ряд вопросов. Каким образом рентные общества образуются «в тени отношений» обществ современного мира? Почему при капитализме регенерируется рента? Может ли рентное общество выступить «могильщиком» рынка и буржуазных социумов? На эти вопросы стремятся найти ответы авторы рассматриваемой монографии.

Рента и капитализм. В научных работах, написанных в духе воззрений А. Смита, рыночный капитализм изображается хозяйственным порядком, основанным на свободных обменах субъектов экономической жизни; общественным строем, отрицающим сословно-феодалные устои, дистрибутивные обмены, ренту. Доктринально провозглашается, что капитализм призван установить безличную власть невидимой руки, систему экономических отношений, в которых нет места принуждению, зависимости, приказу. Однако реальный капитализм не стал воплощением идеального рынка, и только в воображении отношения *laissez-faire* могут быть уподоблены естественному порядку вещей. Очевидно, что свободный рынок не мог возникнуть и функционировать без законодательной работы государства и исполнения им широкого круга административно-управленческой, правоприменительной деятельности. В капиталистических обществах политическая элита и крупный капитал контролируют устройство форм общественной жизни и экономическую деятельность.

Капитализму не удалось освободиться от разнообразных способов воспроизводства ренты, более того, поиск ренты социальными акторами выступает принципом его существования (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 39–41, 50). В значительной мере рентоориентированное поведение акторов востребуется и подкрепляется природой государства как стационарного бандита, создающего элитным политическим и экономическим группам особые благоприятные хозяйственные условия, юридические и иные преимущества существования (с. 39, 42–45). Еще одним источником ренты при капитализме выступают инновации в производстве и орудиях труда (с. 37). Дополнительный (рентный) доход также производится потому, что в буржуазном обществе жажда обогащения превратилась в этически одобряемый стандарт добропорядочного человека (с. 32, 248–277). Помимо этого, рентный – контролируемый и дифференцируемый – доступ к ресурсам обеспечивается институциями «монетарного социального порядка» (финансовыми рынками, банками, инструментами страхования и др.) (с. 85, 156). Но и это еще не все. В обстоятельствах, когда возможности нахождения «хорошей»/легитимной ренты сокращаются или серьезно усложняются, элитные группы с целью обеспечения своих экономических интересов и социального доминирования используют различные формы внеэкономического воздействия и давления на внутриэлитных оппонентов и неэлитные группы (с. 38–39, 42).

Рента и государство. Перспективы капитализма связаны с исторической динамикой государства. Если становящийся капитализм, вытесняя в обществах дарообменные и дистрибутивные отношения, расширяет сферу рыночных обменов, то в позднем капитализме уже государство, а не рынок выступает ключевым экономическим игроком, в результате дистрибутивные социальные коммуникации, составляющие механизмы распределения ренты, вновь обретают силу (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 91). С либеральной точки зрения сокращение сферы рыночных обменов является архаизацией социальной жизни, но сегодня эта аксиома становится дискуссионной. В условиях, когда рынок работает все хуже, а капитализм достиг границ территориальной экспансии и высока вероятность того, что в обозримой перспективе мировое хозяйство будет характеризоваться нулевым экономическим ростом (Пикетти, 2015, с. 350–358), а также вследствие нарастающих темпов автоматизации, роботизации, цифровизации, приводящих к резкому возрастанию численности социальных аутсайдеров, рентный капитализм позволяет удерживать относительный социальный порядок, и только от государства рентополучатели могут ожидать обеспечение их рентных прав-привилегий (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 74, 92).

В обществах сферы/доли рынка и дистрибуции находятся в разных пропорциях. В первую очередь их соотношение обусловливается интересами властной элиты и групп, которым по разным причинам может быть выгодно распределительная система доступа к ресурсам. В периферийных обществах миросистемы могут превалировать дистрибутивные обмены, но и страны, составляющие ее основу, едва ли смогут осуществить полный отказ от дистрибуции в пользу свободного рынка, будут так или иначе использовать в собственных интересах их доминирующее положение в мировом порядке (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 91–92).

В рентном капитализме рыночные акторы не свободны от рентных связей и отношений. Дело в том, что производя прибыль, они приумножают общий

рентный потенциал государства. Их автономия, независимость и экономическая деятельность дозволены государством, которое заинтересовано в получении нужных ему доходов. В кризисных ситуациях государство может изымать ресурсы с рынка (посредством национализации, роста налогов и штрафов, изменения юридических правил и пр.), сокращать рыночное пространство, обращать ресурсы рынка в собственные блага (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 91–92, 187).

Как стационарный бандит рентное государство действует в логике нужд властных альянсов, а не по поручению общества (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 69–118). Конечно, в глобальном мире ресурсные возможности национальных политических элит имеют внешние ограничения, во многих случаях им приходится лишь реагировать на текущие процессы в мировой экономике и политике (с. 88–90).

Рента, демократия, стратификация. Социальная рента в феодальных обществах была следствием монополии на власть, принадлежащей аристократии. Ранний капитализм – это общество, в котором политическим господством обладала буржуазия. Демократия, демонополизировав власть, принципиальным образом изменила правила доступа к властно-политическому ресурсу. В демократических обществах права человека и гражданина закреплены и гарантируются конституционными актами; социальные группы, включая властные, не имеют никаких формально закрепленных привилегий; граждане, их различные организации и сообщества вправе включаться в политическую жизнь и добиваться получения властно-политических должностей и полномочий. Тем не менее в демократиях воспроизводятся рентные социальные связи и отношения (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 42–46, 88–90, 169–191).

«Рыночная» и «рентная» демократии значительно различаются между собой. В «рентной» демократии распределение ресурсов осуществляется не через рынок, а через государство, за доступ к ресурсам конкурируют не социальные классы, а сословия (новые сословия). Почему сословия? Потому что полезность и рентные права социальные группы/общности должны «доказывать» не рынку и обществу, а рентному государству. Сословия зиждутся на внеэкономических рентных отношениях, когда доступ групп к ресурсам зависит от степени их приближенности к власти. Группы и классы, служа интересам государства и имея свои рентные доходы, превращаются в сословия (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 180–187). Рентным государствам нужны контролируемые группы-сословия, поэтому «государственные люди» (чиновники, правоохранители и др.), а также бизнесмены, работающие в связке с государством, занимают привилегированные позиции в пирамиде социальных статусов.

Разумеется, новое сословное общество не означает прямой откат к докапиталистическим феодальным социумам. В современных обществах с антирыночными явлениями и трендами сохраняются социальная подвижность и социальные лифты. При этом социальная конкуренция приобретает «новый профиль». В рентных государствах соперничество групп, общностей происходит по критериям их полезности для государства. Показателем социального успеха в рентных социумах выступает обретение группой-сословием более высокой статусной позиции в иерархической системе рентно-дистрибутивных отношений (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 185–186).

В демократиях проявления ренты могут маскироваться статусом гражданина. Так, преимущества граждан перед мигрантами не ограничиваются наличием активного и пассивного избирательного права. Лица, не имеющие гражданства страны пребывания, сталкиваются с различными проблемами с трудоустройством, условиями работы и ее оплаты, социальным обеспечением, медицинским обслуживанием, юридической защитой прав и пр. (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 51–52, 175–183). В демократических обществах на формирование рентных групп также влияют кризис социального государства, рост численности лишних людей, прекариата, воспринимающих себя на фоне привилегированного салиариата исключенными из преимуществ, предоставляемых гражданством (с. 51–54).

В демократиях источниками прорастания ренты могут выступать различные этнические, религиозные, субкультурные и другие различия между социальными группами. Например, «большинство» может оценивать некоторые социокультурные особенности «меньшинств» как «ненормальные», что может приводить к их дискриминации (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 48).

В преддверии рентного общества? «Линейных» закономерностей социальных изменений не существует. Представление о трансформации модернизированных обществ в рентные опирается на предположение, что такая возможность не исключена в ситуациях, когда накопится критическая масса благоприятствующих этому условий и факторов (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 69). Их в сжатом виде можно показать следующим образом. Поздний капитализм изменился и перестал соответствовать канонам видения капитализма, заданным классической экономической мыслью. Охватив весь мир, он стал подвержен разнообразным кризисам-ограничениям, связанным, например, с нарастанием центр-периферийной поляризации стран в глобальном мире, отсутствием расширяющихся рынков и значительным торможением экономического роста, возникновением производств без людей (с. 50–103). Эти и другие обстоятельства порождают сомнения в способности современного капитализма, невидимой рыночной руки создавать новые возможности для всех, а представления о свободном рынке – капитале, труде, конкуренции – теряют значение перед фундаментальным условием существования/выживания – обладанием и контролем над ресурсами (с. 177). Расширяющийся круг граждан и домохозяйств, не имеющих доходов для поддержания достойного уровня жизни в условиях рынка, и экономические акторы, испытывающие вызовы конкуренции и провалы рынка, с большей готовностью апеллируют к государству, представляя его надежным гарантом обеспечения своих нужд и более справедливым, чем свободный рынок, распределителем ресурсов. В итоге социальное структурирование обществ происходит из патрон-клиентских (рентных) связей, в которых государство выступает доминирующей (господствующей) стороной, а другие участники социальных отношений, по сути, становятся его агентами (с. 182–183). Корректное объяснение образования рентных связей и отношений в современных обществах предполагает понимание, что в «чистом» виде возврат к прошлому невозможен. Рентные общества – это гибридные социумы, в которых есть и рыночные, и рентные отношения. Значение вторых в структуре отношений рентных социумов обретает доминирующее значение (с. 180).

Рентное общество в России. Рыночные преобразования, проводимые в России в последнее десятилетие XX в. и позднее, ознаменовались рентно-сословным откатом. Сегодня страна представляет гибридный социум. Его институциональный центр организован по рентной модели, а рыночные ценности и институты вытесняются на периферию общественных отношений. Россия представляет относительно статичный социум, в котором превалирует государство. Другими словами, Российская Федерация – это сословно-рентное государство в оболочке периферийного модерна (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 192–247).

Под углом зрения концепции рентного общества классы, социальные группы российского социума преобразовываются в новые сословные группы. К ним можно отнести большую часть населения страны. За малым исключением россияне заняты либо на «сдаче» ресурсов на производстве, либо на их «раздаче» в сфере управления, либо в осуществлении контроля за «социальной справедливостью». Формирование и укрепление рентного социума выгодно сословным элитам, т. к. позволяет им контролировать ресурсы общества и ставит незлитные социальные группы в подначальное положение, в том числе через зависимость от государства (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 193, 199, 221).

Отличается ли описание рентного общества, данное Л.Г. Фишманом, В.С. Мартьяновым и Д.А. Давыдовым, от приобретшей известность в отечественных научных кругах теории сословного общества С.Г. Кордонского (2007)? В обеих концепциях признается рентно-сословный характер современного российского социума, отмечается релевантность термина «новые сословия» социально-стратификационным реалиям сегодняшней России, подвергаются критике мейнстримовские отображения обществ позднего капитализма. Но имеются и отличия. Ученые Института философии и права УрО РАН рассматривают рентные отношения не только в рамках отдельных государств, но и на миросистемном уровне, не солидаризируются с позицией С.Г. Кордонского о том, что все попытки изменить российский сословный порядок тщетны (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 208–211), полагают, что условием устойчивости социальных реорганизаций, позволяющих преодолеть российский феномен транзита без трансформации (с. 193), выступают социокультурные модификации. Без перемен в культуре, задающей цель и смысл общественным преобразованиям, реформы модернистского толка обречены на провал, т. к. внутри новых институтов будут воспроизводиться дореформенные социальные привычки. Расширение рынка без требуемых институциональных правил и практик приводит к тому, что общественные отношения принимают вид иерархических рентных связей, контролируемых высокостатусными политическими группами, государством. Цивилизованного рынка, при отсутствующих гарантиях прав собственности, разделении властей, независимом суде, не бывает. В таких обстоятельствах гражданами и экономическими акторами «свободный рынок» может восприниматься менее привлекательным (справедливым), чем их рентная зависимость от государства (с. 241–244).

Заключение

Осуществив в общих чертах описание концепции рентного общества, мы понимаем, что не все ее аспекты были рассмотрены. Рентное общество – это

все-таки фантом или реальность? Удалось ли авторам рассматриваемой работы достичь поставленной цели: выделить, описать, объяснить рентные отношения и рентные социумы, «затаившиеся в тени» современных обществ?

Чтобы рентное общество было явью, а не вымыслом, у него должны быть социальные (экономические/политические/социальные) основания. В работе их описанию уделено значительное внимание. Элитные группы, защищая свои интересы в условиях рисков, возникающих в обществах эпохи позднего капитализма, стремятся использовать занимаемые ими статусные позиции в собственных интересах, извлекать для себя рентный доход, контролируя через государство доступ к ресурсам других социальных групп. «Сворачивающийся» рынок подталкивает бизнес к «сотрудничеству» с государством в надежде на его поддержку. Неопределенность социальных перспектив среднего класса, как и «лишних людей» – социальных жертв новейшего времени, будет вынуждать их обращаться за социальной помощью в официальные государственные структуры. Таким образом, социальная логика рентного общества раскрыта, за ним будущее? Как бы то ни было, грядущее не предопределено. Объяснять социальные трансформации указанием на социальные тренды/тенденции в качестве их причин недостаточно. Социальная динамика сложна. Проявление и действие социальных тенденций обусловлены историческими развилками, окнами возможностей, ответами обществ на внутренние и внешние вызовы и пр. «Живая» социальная логика разнообразнее любых интеллектуальных изысков и предположений. Что в действительности произойдет, зависит от общественной практики социальных акторов.

Рентный порядок как любой социальный порядок является противоречивым и не лучшим из возможных. Становление рентного общества представляет собой лишь одно из потенциальных направлений социальной динамики, порождаемой множающимися проблемами новейшего капитализма. Двигаться вперед, отвечая на вызовы времени, находить креативные решения, создавать новые социальные практики всегда трудно. Легче ничего не менять, но если это невозможно, то проще обратиться к чему-то известному, старомодному порядку, потому что кажется, что так будет надежнее. Рентные общества сегодня – это практика элитарных групп и сообществ граждан, сопряженная с определенной деструкцией модерна и архаизацией социумов перед лицом надвигающегося будущего. По видимости, нельзя исключить, что адаптация к социальным переменам с применением домодерных институтов может провоцировать запуск механизмов их самовоспроизводства.

В рентных социумах образуются общества социального единства? Отнюдь нет. Несомненно, «консенсус» групп в рентно-сословном обществе нельзя воспринимать в качестве социального контракта, заключенного сторонами на добровольной основе. Для неэлитарных групп это принудительный (вынужденный) договор. В рентных социальных системах, с одной стороны, элиты стремятся гарантировать политическую лояльность большинства граждан посредством их рентной зависимости; с другой – элитный альянс постоянно устремлен на увеличение своей доли в общем объеме ренты, поэтому подвластные могут вознамериться пересмотреть статус-кво этого общественного порядка. К тому же нельзя не учитывать, что внутри властной коалиции идет непрекращающаяся борьба за позиции, сферы влияния, полномочия и ресурсы.

Обсуждение рентного общества в плоскости новой утопии или «грядущего светлого» посткапитализма (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 315–388) есть *una fantasia*. В рентных социумах стран мировой периферии скорее наступит историческое «вчера», чем «завтра», изъятие рынка из системы социальных обменов приведет к их неминуемому краху, т.к. окажется, что нечего делить. В принципе любые рентные общества «самоедские», а не производительные социальные системы. Действительно ли капитализм себя изжил, достигнув границ рыночной экспансии? На самом ли деле исчезло созидательное разрушение – важная особенность буржуазной формы ведения хозяйства, а развитие экономик и обществ измеряется только показателями роста ВВП? Предположение, что для развитых государств рентное общество может стать предтечей коммунизма (с. 378–388), не выглядит убедительным. Во-первых, коммунизма, кроме первобытного, в истории человечества не было. К будущему такой коммунизм не имеет никакого отношения. Во-вторых, если рентное общество оценивать мерой марксистского принципа коммунизма – «от каждого по способностям, каждому по потребностям», то какие-либо комментарии не требуются. Рентное общество и коммунизм – несовместимые социумы.

В рассматриваемой работе при описании процессов модернизации российского общества признается приоритет культуры перед институтами. На том основании, что без надлежащей «культурной начинки» институты превращаются в «бумажных тигров». Социальная диалектика поливариантна. В обществах без подвижек в их институциональных системах невозможно достичь сколь угодно значимых перемен. Так, Япония, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Южная Корея освоили многие западные институты в различных областях социальной жизни, но при этом обладают собственной культурой. Изначально у Северной Кореи и Южной Кореи общая культура. Но глубокие институциональные различия, утвердившиеся в последние десятилетия, делают эти два государства и общества основательно отличными друг от друга.

В концепции рентного общества эксплицитно/имплицитно поднимается вопрос о фундаментальных основах обществ современной миросистемы. В анализируемом исследовании страны сегодняшнего мира, столкнувшиеся с различными проблемами-вызовами, рассматриваются (большой частью) сквозь призму ограниченности ресурсов и теории М. Олсона о государстве как кочующем и стационарном бандите. Если это так, то будущее человеческих сообществ может видеться за рентными социумами. Отметим, что институциональная матрица современных обществ не ограничивается данными рамками. Так, в монографии обойден стороной вопрос о соотношении рентных социальных порядков с правопорядком. Следует ли считать, что право, конституционный правовой порядок, выступающие ценностными и институциональными столпами многих государств, исчезают в обществах позднего капитализма или перестают иметь значение? В теории рентных обществ феномен властесобственности признается краеугольным камнем социума. Означает ли это, что конституционных принципов и институтов недостаточно, чтобы одолеть этот социальный «порок»?

Современные государства имеют правовое измерение. Прежде всего, правовой порядок зафиксирован в их конституциях. Этими основополагающими правовыми актами закрепляются права и свободы граждан, институциональный порядок их обеспечения, юридико-правовые параметры устройства государств.

И даже в тех случаях, когда конституционные уложения и реальная структура отношений в обществах значительным образом расходятся, значимость правового порядка для них не может быть преуменьшена. Институциональные начала современных социумов воплощаются в общественном (конституционном) договоре о правах. Рентные отношения не эквивалентны отношениям, основанным на праве. Утверждение рентных связей в социумах означает крушение права, правовой свободы (Алексеев, 2009, с. 10–25). Будущее не предначертано, но имеет институциональный базис, выработанный человечеством, позволяющий обществам отыскивать надлежащие ответы на вызовы, выдвигаемые историей, чтобы, например, не уподобиться рентным обществам. Это общественный договор о правах. «Живой», действенный, актуальный договор о правах.

Безусловно, рассматриваемое монографическое исследование достойно пристального внимания со стороны научного сообщества и беспристрастного обсуждения. Погружение в изучение рентных отношений побуждает исследователей развивать межпредметный подход в изучении общественных отношений, социумов, формулировать идеи, объясняющие существо и особенности социальной морфологии и динамики обществ современного мира.

Список литературы

1. Алексеев, С.С. (2009). *Крушение права*. Екатеринбург: Институт частного права.
2. Бьюкенен, Дж. (1997). *Сочинения: Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы*. М.: Таурис Альфа.
3. Кордонский, С.Г. (2007). *Ресурсное государство*. М.: REGNUM.
4. Пикетти, Т. (2015). *Капитал в XXI веке*. М.: Ад Маргинем Пресс.
5. Таллок, Г. (2011). *Общественные блага, перераспределение и поиск ренты*. М.: Институт Гайдара.
6. Фишман, Л.Г., Мартьянов, В.С., Давыдов, Д.А. (2019). *Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии*. М.: Высшая школа экономики. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1913-4>

References

1. Alekseev, S.S. (2009). *Krushenie prava* [The collapse of law]. Ekaterinburg: Institut chastnogo prava.
2. Buchanan, J. (1997). *Sochineniya: Konstituciya e'konomicheskoy politiki. Raschet soglasiya. Granicy svobody* [Works: The constitution of economic policy. Consent calculation. The boundaries of freedom]. Moscow: Taurus Al'fa.
3. Fishman, L.G., Martyanov, V.S., & Davydov, D.A. (2019). *Rentnoe obshchestvo: v teni truda, kapitala i demokratii* [Rental society: In the shadow of labor, capital and democracy]. Moscow: Vysshaya Shkola E'konomiki. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1913-4>
4. Kordonsky, S.G. (2007). *Resursnoe gosudarstvo* [Resource state]. Moscow: REGNUM.

5. Piketti, T (2015). *Kapital v XXI veke* [Capital in the 21st century]. Moscow: Ad Marginem Press.

6. Tullock, G. (2011). *Obshchestvennyye blaga, peraspredelenie i poisk renty* [Public goods, redistribution and rent seeking]. Moscow: Institut Gajdara.

Информация об авторе

Валерий Алексеевич Глазырин, доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социологии, Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Россия, e-mail: glazur@olympus.ru

Information about the author

Valery Alexeevich Glazyrin, Doctor of Social Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Ural State Law University, Ekaterinburg, Russia, e-mail: glazur@olympus.ru